

УДК 811.512.144

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-95–101

Н.Э. Гаджиахмедов, А.Д. Бекеева, У.А. Алиадаева

К интерпретации семантики возможности/невозможности модальными модификаторами

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; nur1@yandex.ru*

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности сложноверbalных форм, репрезентирующих значение возможности/невозможности. В результате исследования выявлено два ряда грамматических форм, репрезентирующих значение возможности/невозможности – это формы с деепричастием *-ып* и модальным модификатором *бол-* и инфинитивом и модальным оператором *бол-*. В статье определены внутриязыковые специфические особенности в функционально-семантической природе разветвленной системы модально – временных форм, предназначенных для выражения данного оператора модальности даже в близкородственных тюркских языках. Выявлена двойственная природа сложновербальных образований со вспомогательным глаголом *бол-*, заключающаяся в том, что они предназначены для выражения не только модального, но и временного значения.

Ключевые слова: *модальность, модификатор, сложновербальные формы, модально-временные формы.*

В последние годы в современной лингвистике активизировались функционально-семантические исследования, посвященные изучению семантической сущности лексической и грамматической модальности [1; 2; 4; 6; 8]. Особое место в системе языка занимают лексические средства выражения модальности. Модальные глаголы представляют особый интерес, т. к. они в первую очередь призваны выражать личное отношение говорящего к предмету своей речи. Для передачи одной и той же модальной ситуации возможности/невозможности в тюркских языках используются самые различные грамматические варианты глагольных форм, не разрушающие общей семантики фразы. Эти варианты прежде всего характеризуются грамматической системностью, регулярной взаимозаменяемостью, функциональной эквивалентностью грамматического значения в пределах взаимозаменяемых контекстов, однородностью сравниваемых грамматических структур. Наблюдение за особенностями выражения значения возможности/невозможности различными грамматическими формами глагола позволяет увидеть в этом процессе некоторые закономерности.

Сложновербальные формы, образованные с помощью модального модификатора *бол-* (*бул-*), являются древнейшими образованиями в тюркских языках. Однако функционально-семантическая природа аналитических сложновербальных форм с модальным модификатором *бол-* во многих тюркских языках изучена недостаточно полно.

Актуальность исследования определяется отсутствием работ, посвященных раскрытию функционально-семантического потенциала модального модификатора возможности/невозможности *бол-* «быть, мочь, находиться» в кумыкском языке в сравни-

тельном освещении.

Цель исследования – сравнительное описание сложновербальных форм с модификатором *бол-*, репрезентирующих значение возможности/невозможности в тюркских языках, выявление общего и особенного в их функционировании.

В работе использованы общенаучные методы наблюдения, обобщения и лингвистические методы контекстуального и функционального анализа.

Модальное значение объективной возможности/невозможности в тюркских языках передается разветвленной системой аналитических сложновербальных форм и модальных модификаторов. Одним из них является сочетание деепричастной формы на *-ып* или *-а* и вспомогательного глагола *бол-* «быть, мочь». Сложновербальная форма на *-ып бол-* имеет в тюркских языках два варианта: спрягаемый, представленный в сравнительно небольшом числе языков, и неспрягаемый, характеризующийся широкой сферой распространения [9, с. 101].

Спрягаемый вариант во многих языках употребляется в значении модальной формы возможности: кумык. *гелип боламан* «могу прийти» – *гелип болайман* «не могу прийти»; карач.-балк. *жазып болама* «я могу писать»; хак. *Мин угрен полчам*. «Я могу учиться»; кумык. *Ону мен овзюм де ярашдырып боламан* (Абзайдин Мамаев). «Я его и сам могу починить».

Неспрягаемый вариант характеризуется употреблением исключительно в безличной форме, когда отсутствует соотносительность действия с действующим лицом. Ср.: кумык. *охуп бола* «можно читать» – *охуп болмай* «невозможно читать»; башк., татар. *укип була* «можно читать» – *укип булмай* «невозможно читать»; татар. *Өйдән чыкмыйча мәдрәсәдә укип була*. «Он учится в медресе, не выходя из дома» [5, с. 46].

Значение возможности/невозможности в сфере кумыкского индикатива репрезентируется разветвленной системой сложновербальных форм с модификатором *бол-*. Существуют специализированные аналитические формы выражения данной семантики для сфер настоящего, прошедшего и будущего времен.

Аналитическая конструкция на *-ып бол-* имеет все формы времени изъявительного, условного и сослагательного наклонений, но чаще всего применяется в пределах настоящего времени изъявительного наклонения. В изъявительном наклонении значение возможности/невозможности в сфере настоящего/будущего времени реализуется формой *-ып бол-*: *язып боламан* «я могу писать», казах. *барып боламын* «могу пойти» и т. д. Отрицательная форма модальной конструкции на *-ып бол-* обозначает отсутствие внешних условий, чтобы осуществить действия, производимые говорящим: *язып болайман* «я не могу писать».

Аналитическая отрицательная форма модальности *-ып болмай* широко используется в паремиологических единицах тюркских языков. В них выражается полная уверенность в невозможности совершения тех или иных действий на том основании, что мысли, передаваемые пословицами, являются итогом многолетнего практического опыта поколений людей. Ср. кумык. *Алтын тишиге алдансанг, артда ашап болмассан* // тур. *Altın dişe aldanırsan sonunda yetek yiyemezsin*.

В кумыкском языке возможно использование в одной и той же пословице двух форм – возможности и невозможности: *Гишини кимлигин тюсюнден билип болмай – ишинден билип бола*. «Какой человек, невозможно узнать по его цвету – по работе можно узнатъ».

Для репрезентации модальной семантики возможности/невозможности с помощью модификатора *бол-* «быть, мочь» в сфере прошедшего времени изъявительного наклонения используются четыре сложновербальные формы. Первые две представляют

собой формы прошедшего категорического (*язып болдум* «я смог написать» // *язып болмадым* «я не смог написать»; башк. *укип булды* «смог прочитать, удалось прочитать» и прошедшего перфективного времени (*табып болгъан* «смог найти» // *табып болмагъан* «не смог найти»)).

Значение нереализованного возможного действия в плоскости прошедшего выражает сложновербальная форма прошедшего времени *-ып бола эдим*: *язып бола эдим* «я мог писать (но не написал)». Соответствующая модальная форма невозможности *язып болмай эдим* «я не мог писать» выражает значение нереализованного по каким-то причинам действия.

Аналитическая форма *-ып болгъан эди* выражает значение прошедшего результивативного действия: *барып болгъан эдим* «я смог пойти» – *барып болмагъан эдим* «я не смог пойти»).

В сфере будущего времени кумыкского индикатива представлены две спрягаемые формы на *-п бол*:

1) спрягаемая форма будущего категорического (*барып болурман* «смогу пойти» – *барып болмасман* «не смогу пойти»);

2) спрягаемая форма будущего некатегорического времени (*барып болурман* «смогу пойти» – *барып болмасман* «не смогу пойти»; башк. *укип булыр* «можно будет читать»). Ср. с тувин. языком: *барып болур мен* «могу пойти»; *барып болур сен* «можешь пойти».

Форма условного наклонения образуется присоединением к деепричастию на *-п* модификатора модальности *бол-* с формообразовательным показателем *са-*: *гелип болсам* «если смогу прийти» – *гелип болмасам* «если не смогу прийти»; *укип булна* «если можно будет учиться»; башк. *укип булна* «если сможет прочитать» – *укип булмана* «если не сможет прочитать». *Шо къылыгъын ташлатып болсам, дагъы бағана ёкъ* (Сраждин Токболатов). – «Если смогу его заставить забыть этот характер, другого повода нет».

Другая форма сослагательного наклонения имеет трехкомпонентную структуру: она состоит из деепричастия на *-п*, модификатора в форме настоящего-будущего времени изъявительного наклонения *бол-* и глагола *буса*: *гелип бола бусам* «если могу прийти» – *гелип болмай бусам* «если я не могу прийти». *Сен табып болмай бусанг, мен оъзюм табарман* (Ибрагим Керимов). – «Если ты не можешь найти, я сам найду».

Форма уступительной модальности имеет трехэлементную структуру: деепричастие на *-ып* + модификатор *бол-* в форме условного наклонения + частица *да*: *гелип болсам да* «если даже я приду» – *гелип болмасам да* «если даже я не приду».

Во многих тюркских языках значение объективной возможности/невозможности передается аналитической конструкцией, образованной сочетанием инфинитива *-ыргъа* и вспомогательного глагола *бол-* (*бул-*) [10, с. 74]. Эта безличная аналитическая форма обозначает возможность реализации действия в определенных обстоятельствах. Вспомогательный глагол *бол-* в данной конструкции употребляется только в форме 3-го лица единственного числа настоящего и будущего времени индикатива: карач.-балк. *къачаргъа болгъандыла* «решили убежать», *тутаргъа боллу* «решили поймать»; башк. язырга *була* «можно писать», язырга *булыр* «можно будет писать»; карач.-балк.: *Кесини сабанларын сугъарыргъа болмаса, халкъга тамычы да бермеучю эди* (фолькл.). – «Если бы вода не нужна была для своей пахоты, он людям не дал бы ни капли воды».

Отрицательная форма данной конструкции образуется при помощи аффикса *-ма/-мә*, который присоединяется к основе основного глагола, например, *эшләргә булла* «может работать» – *эшләмәскә булла* «не может работать» и т. д. Если вспомогательный

глагол в составе данной конструкции принимает форму прошедшего категорического времени, то она всегда выражает модальное значение намерения, решения совершить какое-либо действие. Примеры: *эшләрә булды* «намерен работать» – *эшләмәскә була* «не намерен работать».

Кумыкский инфинитив на *-магъа*, *-меге* (-*ма*, -*ме*) в сочетании с модальным модификатором *бол-* выражает модальное значение возможности, подчеркивая недостаточную уверенность автора в обязательном совершении потенциального действия, презентируя инфинитивом.

Грамматически инфинитив на *-магъа*, *-меге* кумыкского языка соответствует инфинитивам на *-ргъа* других кыпчакских языков, например карачаево-балкарского, татарского и башкирского. Инфинитив *-ргъа* встречается в устном народном творчестве кумыков и в устойчивых оборотах речи, «из чего можно заключить, что эта форма употреблялась и в кумыкском языке, но была вытеснена, возможно, под влиянием языков огузского типа формами на *-магъа*. Яхши ёл, уланлар! Ёлугъуз **къайтаргъа болсун!**» (Магъамматсолтан Ягияев). – «Счастливого пути, парни! Чтобы ваш путь был возвратным!».

Отрицательная форма данной конструкции в кыпчакских языках образуется при помощи аффикса *-ма*, *-мә*: *язырга булды* «он решил написать» – *язмаска булды* «решил не писать», *қунарга булдық* «решили переночевать». Форма негатива выражает значение намерения, решимости совершить действие [9, с. 206]. Отрицательная инфинитивная форма в кумыкском языке нами не обнаружена.

В башкирском языке прошедшее время инфинитной конструкции образуется при помощи вспомогательного глагола *ине*, который значительно видоизменяет ее значение: *алырга булырине* «могло быть взято», *язырга булырине* «могло быть написано», где конструкция в целом выражает значение сослагательного наклонения [3, с. 16].

В значении формы возможности спрягаемая форма на *-п бол-* регулярно употребляется в тувинском и кумыкском языках и т. д.

Модальный модификатор *бол-* полифункционален. Он служит не только для обозначения возможности или невозможности действия, но и способов глагольного действия. Форма *-ып бол-* в некоторых тюркских языках, например в узбекском, уйгурском, каракалпакском и казахском выступает в функции финитивного способа глагольного действия: узб. *ёзib бул-* «кончить писать»; казах. *айтып бол-* «кончать говорить»; карач.-калп. *окып болдын ба?* «(ты) кончил читать?». В кумыкском языке форма на *-п бол-* в таком значении не используется.

В кумыкском и карачаево-балкарском языках форма *-ып болъан* используется для выражения длительного или многократного результативного действия в давнопрошедшем заглазном времени. Ср.: кумык. *Ол тегенек улкю арада янгыз яшынып болъан* (Ибрагим Керимов). – «Он, оказывается, лежал среди кустов один, спрятавшись»; карач.-балк. *Тюлкю айыугъа жюрюп болъанды*. – «Лиса часто наведывалась к медведю».

В ногайском языке *-п бол-* выступает более или менее регулярно лишь в сфере настоящего времени изъявительного наклонения: *кирип боларман* «(я) в состоянии зайти», *кирип боларынъ* «(ты) в состоянии зайти» и т. д.

В алтайском языке употребление формы не ограничено рамками настоящего времени, но зато имеет место чаще всего употребление в отрицательном аспекте: *тамынъ болбос пыс* «мы не сможем вас узнать»; *барып болбодым* «я не мог пойти» и т. д. В значении формы на *-п бол-* в положительном аспекте здесь последовательно выступает

форма на *-п ал-*, которая может быть употреблена также, наряду с формой на *-п бол-*, и в отрицательном аспекте: *барып албасым / барып болбосым* «(я) не смогу пойти», «(я) не в состоянии пойти»; *барып албадым* и *барып болбодым* «(я) не мог пойти», «(я) был не в состоянии пойти».

Спрягаемой форме на *-п пол-*, тождественной форме возможности на *-а ал-*, в хакасском языке соответствует сочетание основы со спрягаемым вспомогательным глаголом *пол-*: *ал пол* «мочь взять», *chooxtan пол* «мочь сказать» и т. д. Данная форма в хакасском языке конкурирует с формой на *-п ал-*, заимствованной, очевидно, из диалектов или из других тюркских языков [9, с. 102].

По мнению А.А. Юлдашева, «неспрягаемый вариант формы на *-п бол-*, в отличие от ее спрягаемого варианта, а также от других форм модальности, рассмотренных выше, не может выступать в качестве причастия, деепричастия, имени действия и не сочетается с показателями этих категорий» [9, с. 102]. В кумыкском языке неспрягаемый вариант *-п бол-*, на наш взгляд, может выступать в качестве причастия и имени действия. Ср.: *охуп болмай* «невозможно читать» – *охуп болмайгъан* языв «надпись, невозможная читать»; *охуп болмайгъанлыкъ* (имя действия на *-гъанлыкъ*).

Особенностью неспрягаемого варианта является исключительное употребление в безличной форме, когда совершенно отсутствует соотносительность действия с действующим лицом. Данная форма представляет собой нечто парадоксальное: служа для соотнесения содержания глагольной основы с действующим лицом с точки зрения возможности этого лица стать субъектом указанного в основе действия и функционируя в связи с этим только в сфере личного глагола, форма на *-п бол-* совершенно не допускает не только личного оформления, но и уточнения лица каким-либо опосредсованным способом [9, с. 102].

Неспрягаемый вариант формы на *-п бол-* по значению в известной мере совпадает с формой на *-а ал-*. Различие между этими формами сводится главным образом к тому, что значение «быть в состоянии (что-либо делать)», по которому рассматриваемая форма объединяется с другими формами модальности, включает в себя не только субъективное предположение говорящего о состоятельности действующего лица реализовать данное действие, как в форме на *-а ал-*, но и указание на наличие объективных предпосылок для этого [9, с. 102]. Ср.: башк. *Угышаны петеп булмай* (Д. Юлтый). – «Ему невозможно верить до конца»; узб. *Ойни этак билан ёпиб булмас* (погов.). – «Луну подолом не закроешь» и т. п.

Сказанное справедливо и в отношении кумыкского языка, несмотря на то что форма на *-а ал-* в кумыкском языке встречается исключительно редко. Ср.: *Етепалмадым анадашлы юртума* (Йырчи Къазакъ). – «Не смог (я) дойти до родного села». В современном кумыкском языке данной форме соответствует аналитическая форма на *-п бол-*: *Етип болмадым анадашлы юртума*. – «Я не смог дойти до родного села».

В языках, где бытует спрягаемый вариант, значение неспрягаемого варианта передается обычно соответствующими оборотами или свободными словосочетаниями. Так, например, в кумыкском языке это значение передается обычно сочетанием инфинитива на *-магъа* со спрягаемым глаголом *бол-*: *айтма боламан* «могу сказать» – *айтмагъа болмайман* «не могу сказать». *Бирев де айтма болмас* (Магъаммат Атабаев). – «Никто не сможет сказать».

Сочетание инфинитива со спрягаемым глаголом *бол-* широко применяется в данном значении также и в тех языках, где представлен неспрягаемый вариант формы на *-п бол-*: ср. татар. *барып була / барырга була* и т. п. *Синең белән разведкага барырга була*. «С тобой можно идти в разведку».

Форма на *-гъан бол-* в целом ряде тюркских языков, в частности в кумыкском, башкирском, татарском, узбекском, уйгурском, каракалпакском и казахском, служит для обозначения инсценированного действия и функционирует в сфере прошедшего или настоящего времени изъявительного или побудительного наклонения. Наиболее ярко и последовательно это значение прослеживается в тех случаях, когда форма выступает в сфере побудительного наклонения: башк. *эшлэгэн бул* «делай вид, что работаешь»; *эшлэгэн булаыйк* «сделаем-ка вид, что работаем».

Во многих аналитических формах с модификатором *бол-* проявляется двойственная сущность исследуемых сложноверbalьных образований, проявляющаяся в презентации ими не только модального, но и временного значения. Так, двойственная природа формы *-гъан бол-/ган бул-* проявляется в том, что эта форма, с одной стороны, выражает результативность действия, отнесённого к разным временным планам. С другой стороны, может выражать «значение притворного действия» [5, с. 46–47].

Таким образом, проведенный анализ показал, что модальный модификатор *бол-* является одним из средств репрезентации значений модального микрополя возможности в тюркских языках. Вместе с тем имеются и внутриязыковые специфические особенности в функционально-семантической сущности данного оператора модальности даже в близкородственных тюркских языках.

Кумыкский, карачаево-балкарский, башкирский и татарский языки обладают разветвленной системой аналитических форм с модификатором *бол-*, предназначенных для выражения модального значения возможности или невозможности. В значении формы возможности спрягаемая форма на *-н* *пол-* регулярно употребляется и в тувинском языке.

В тюркских языках два варианта формы *-н бол-*: спрягаемый, представленный в сравнительно небольшом числе языков, и неспрягаемый, характеризующийся широкой распространения.

Для передачи значения объективной возможности используются и аналитические формы, образованные с помощью инфинитива и модификатора *бол-*. В отличие от предыдущих форм, эти формы представляют собой безличные аналитические формы выражения возможности.

Двойственная природа сложноверbalьных образований со вспомогательным глаголом *бол-* заключается в том, что они предназначены для выражения не только модального, но и временного значения. Поэтому для них больше подходит термин «аналитическая модально-временная форма глагола».

Литература

1. *Khisamova V.N., Motygoullina Z.A., Moullagaliev N.K.* Expression of the fiction in the material of “The Catcher in the Rye” by David Salinger and its translation into the Tatar language // Journal of language and literature. – 2015. – Vol. 6, № 3. – Pp. 140–143.
2. *Боднарук Е.В.* Модальные глаголы: между модальностью, эвиденциальностью и темпоральностью (на материале современного немецкого языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 59. – С. 19–34.
3. *Гатина Р.Г.* Модальность возможности и невозможности и средства ее выражения (на материале башкирского языка). – Уфа, 2007. – 24 с.
4. *Дамбуева П.П., Мушаев В.Н. и др.* Категория наклонения как средство выражения объективной модальности (на материале монгольских и тюркских языков). – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2019. – 120 с.
5. *Исламова И.Ф.* Модальные глаголы в татарском языке // Вестник Челябинско

го государственного университета. Сер.: Филология. – 2012. – № 2 (256). – Вып. 62. – С. 46–49.

6. *Ооржак Б.Ч.* Система грамматической модальности в тувинском языке (в со-поставлении с тюркскими языками Сибири). – Новосибирск, 2019. – 507 с.

7. *Тазранова А.Р.* Модальные формы с семантикой желания в алтайском языке // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 9. – С. 55–63.

8. *Фурс Л.А.* Когнитивные основы полимодальности // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 674–677.

9. *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках / АН СССР. Ин-т языкоznания. – М.: Наука, 1965. – 275 с.

10. *Юсупов Ф.Ю.* Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 320 с.

Поступила в редакцию 17 мая 2021 г.

UDC 811.512.144

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-95–101

**On the Interpretation of Possibility/Impossibility Semantics Actualized
by Modal Modifiers**

N.E. Gadzhiakhmedov, A.D. Bekeeva, U.A. Aliadaeva

*Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
nur1@yandex.ru*

The article deals with the functional- semantic features of complex verbal forms representing the meaning of possibility and impossibility. The research results reveal two series of grammatical forms that represent the meaning of possibility and impossibility – these are the forms with the adverbial participles -yp and the modal modifier bol-, and infinitive and the modal operator bol-. The article defines the intra-lingual specific features in the functional-semantic nature of the ramified modal-temporal forms system intended to express the given operator of modality even in closely related Turkic languages. The dual nature of complex verbal formations with an auxiliary vowel bol- is revealed, confirming the fact that they are intended to express not only modal, but also temporary meaning.

Keywords: modality, modifier, complex verbal forms, modal-temporal forms.

Received 17 May 2021